

* * *

садился за стол
с легким чувством города
брал вилку (нет) ложку (нет) ручку (нет)
открывал окно ворда
впускал в комнату белый ветер
слева слова
справа слова
вдохни не дыши
двенадцать пар (ребер) строк
рентгенограмма сознания
выходил из-за стола
с легким чувством города
внутри

* * *

мелочи
в сущности мелочи

поезд в два часа ночи
скользит по грани апрельского неба
отражается в залитой паводком суше
засвеченными кадрами окон

или
спиной к закату
остановиться на пешеходном переходе
на красный свет солнца
чтоб на дорогу легли
наши длинные тени
головой на восток

или
перебегая улицу в сумерках
без разрешающего знака
инстинктивно схватиться за руки
потом отпустить
медленно

или
впервые смотря в иллюминатор
быть с облаками на равных
видеть воздушные замки
лететь сквозь курчавые горы
зефирные берега

или
садиться в ночи на троллейбус
и видеть в окно как
в путь провожают двое
один машет рукой
второй – хвостом

или
никуда не уезжая просто
засидеться за искренним разговором
в вокзальной пирожковой
потом
стараясь не хлопнуть дверью
чтобы не разбудить буфетчицу
выйти
слушать соловьев
над рельсами

* * *

платье
тканевый колокол
бесшумно звенит на тебе
запахом сонной воды
твердит очертания тела
гулкового языка
внутри его легкого купола
с каждым шагом
на понижение дна
всё больше в тебе от медузы
преломляясь на стыке стихий
расходишься круглыми волнами
все мы вошли в эту воду
чтобы выйти иными
осторожно
холодные ключи
бьют [набат]
в теплой ладони озера

* * *

Если долго повторять слово вслух,
из него улетает смысл,
оставляя его пустым,
как розовая внутренность ракушки,
как круги на полях,
как незнакомое имя,
прочитанное на обелиске.
На морозе слово становится зримым,
обрастает иголками инея,
скачет звонкой монеткой,
прежде чем рассыпаться в пыль.
Во рту слово живет подобно моллюску,
растёт, заполняя собой пространство,
и лишь ощутив его тесноту,
переползает искать новое жильё,
подходящую
ушную раковину.

* * *

Ровно в полночь
зачат новый день.
Во тьме,
как и полагается таинству.
Он пока предстает
как абсолютное чёрное тело,
первозданное отсутствие света
внутри цилиндра фокусника,
квадрат Казимира,
не знающий страха
белого листа.
Из его теплой, влажной глубины
Сначала проступают звуки:
шк-шк-шк-шк-шк.
Это зелёные школьники-кузнечики
шуршат карандашами,
штрихуют нарастающее утро,
липовый цвет и траву
под босыми ногами
июля.

Голос в трамвае

Когда я вырасту
или меня не станет
(в этом случае все равно) –
я хотел бы стать голосом,
объявляющим трамвайные остановки
из шипящих динамиков
над узкими створками.

Этим мудрым, вежливым
дикторским баритоном,
что не выходит за пределы
городского кольца,
не диктует, как жить,
но знает о жизни всё:
как вовремя остановиться,
притормозить на опасном спуске,
как ощутимо трясёт
на поворотах и стыках.

Я буду жить
в пустом металлическом теле,
где солнце проходит насквозь
пыльные стекла,
цепляться за жизнь
дугой токоприемника,
ездить по кругу,
но знать, где кончаются рельсы.
Мимо Покровки,
вдоль по Ильинке,
дальше,
только б звучать,
звучать
партией этой пьесы.